

вых мероприятий. Используются различные меры поощрения лучших дружинников: установление льгот в виде освобождения от уплаты части налогов, скидки на оплату посещения физкультурно-оздоровительных комплексов, а также привычное с советских времен предоставление дополнительного отпуска.

Кроме того, ежегодно проводится областной конкурс на звание «Лучший дружинник области». Лауреаты конкурса 2021 года получили премии в размере от 10 до 45 тысяч рублей.

Таким образом, сегодня вместе с общественными организациями продолжается поиск эффективных форм привлечения населения для охраны общественного порядка, причем средствами и методами, которыми по своей природе не могут пользоваться государственные органы.

2.6. Медиация в уголовном процессе по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Повышение качества, оперативности и доступности правосудия, обеспечение прав и законных интересов жертв преступлений относится к числу актуальных задач государства. Институт примирения с потерпевшим известен российскому и белорусскому праву давно и связан с развитием принципа диспозитивности в уголовном процессе. Вместе с тем нельзя говорить о достаточной эффективности данного института при отсутствии законодательной регламентации процедуры примирения. Медиация уже несколько лет применяется в России и Республике Беларусь для урегулирования споров, возникающих из гражданских, семейных, трудовых и других отношений [137]. Относительно использования примирительных процедур в уголовном процессе в последние годы юридическое сообщество ведет оживленные дискуссии, хотя уже имеется опыт применения технологий восстановительного правосудия по уголовным делам с привлечением профессиональных посредников в порядке эксперимента. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [228] (далее по тексту – УПК Республик Беларусь), закрепляющие возможность применения медиации. Однако, по мнению ряда процессуалистов, этих изменений недостаточно для применения медиации как полноценного инструмента контроля преступности [161, с. 50]. Что же касается российского законодательства, то ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ [227] (далее по тексту – УПК РФ), ни Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не предусматривают возможность использования медиации в уголовном процессе. Вместе с тем в Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» под-

черчивается важность дальнейшего развития института примирения сторон для снижения конфликтности в обществе, укрепления социальных и экономических связей, оптимизации судопроизводства.

Заявленная тема актуальна для теории и практики, разработка оптимальной модели использования медиации в отечественном уголовном процессе будет способствовать обеспечению прав и законных интересов как потерпевших, так и обвиняемых.

Основной гипотезой данной работы является предположение о том, что российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании в части регулирования процедуры примирения обвиняемого и потерпевшего, что возможно с учетом критического осмысления опыта правового регулирования других стран. Медиация может применяться не только при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, но и в ряде других случаев, когда факт возмещения причиненного преступлением вреда, прощение потерпевшим виновного имеет правовое значение. На сегодняшний день имеются все условия для использования медиативных процедур в уголовном процессе, что должно найти законодательное закрепление с учетом положительного опыта правотворчества в Республике Беларусь.

Сегодня в правовой доктрине все чаще высказывается идея о том, что уголовно-процессуальное право можно рассматривать как средство воздействия на социальный конфликт [62]. При этом разрешение последнего предполагает не только привлечение виновного к уголовной ответственности, но и восстановление нормального порядка, существовавшего до совершения преступления, исправление и ресоциализацию лица, совершившего преступное деяние. Именно это и предопределило разработку концепции восстановительного (реституционного, репаративного) правосудия [43].

Судебная статистика подтверждает востребованность института прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 году судами по данному основанию было прекращено 99501 уголовное дело, а за первое полугодие 2022 года – 49229 дел [150]. Это довольно много, учитывая, что при совершении преступлений указанных категорий тяжести есть возможность назначения иной меры уголовно-правового характера – судебного штрафа, а также прекращения уголовного дела по другим основаниям.

Институт примирения обвиняемого с потерпевшим имеет давнюю историю. Нормы о примирении содержались еще в Русской Правде, Судебнике 1497 года, Соборном Уложении 1649 года, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а затем и в Уставе уголовного судопроизводства. С.И. Викторский в учебнике русского уголовного процесса писал, что: «Примирение или отказ от уголовного иска как причина прекращения уголовного преследования имеет место, разумеется, не во всех делах: иначе бы право государства наказывать зависе-

ло от произвола частных лиц (потерпевшего). Вот почему примирение допускается только по делам частным, т.е. таким, которые представляют незначительный общественный интерес. Эти частные преступления караются главным образом в видах устранения самосуда, вследствие чего общая тенденция закона – поощрение прекращению таких дел путем примирения, лишь бы оно было ясно выражено обеими сторонами» [36]. Позднее институт примирения сторон нашел закрепление в советском законодательстве, а затем и в УПК республик бывшего СССР. В действующем законодательстве России и Республики Беларусь также предусмотрено прекращение уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого, и это связано со стремлением разрешить правовой конфликт без уголовной репрессии.

Помощь профессиональных посредников в достижении примирения конфликтующих сторон в России успешно применяется в сфере жилищных, семейных, трудовых, обязательственных и некоторых других отношений. Правовой основой медиации является принятый 27 июля 2010 года Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 был утвержден регламент судебного примирения, но только для гражданского, административного и арбитражного судопроизводства [33]. Процедура примирения в уголовном судопроизводстве все еще остается за рамками правового регулирования.

Программы восстановительного правосудия уже много лет реализуются в ряде регионов в порядке эксперимента при поддержке Центра «Судебно-правовая реформа», специалистами которого накоплен и изучен опыт такой работы [38].

В Республике Беларусь 12 июля 2013 года тоже принят закон («О медиации»), статья 2 которого допускает проведение медиации в рамках иных, помимо гражданского или хозяйственного, видов судопроизводства в случаях, предусмотренных законодательством. Аналогичное положение содержится в ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Поэтому для распространения процедуры, предусмотренной этими законами, на производство по уголовным делам требуется закрепление соответствующих норм в уголовно-процессуальном кодексе, на необходимость этого указывают и многие ученые [43]. Этот вопрос прорабатывался в России на уровне государственного задания, о чем свидетельствует Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 года № 1430-р об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность [201], а также перечень поручений Президента РФ от 6 октября 2017 года № Пр-2042 [151]. Еще одним шагом по внедрению

примирительных процедур в сферу публично-правовых отношений стало принятие Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

28 января 2021 года Президент РФ по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека дал поручение рассмотреть совместно с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка вопрос об установлении особенностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением с потерпевшими и представить при необходимости предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в соответствующей сфере [151].

Указанная выше проблема заключается в актуальности закрепления в российском законодательстве механизма, обеспечивающего реализацию института примирения сторон, а также поддержки и распространения практик восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Логическим продолжением стала разработка проектов законов «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим». Текст последнего и пояснительной записки к нему размещен на официальном сайте Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека [152].

Данный законопроект содержит определения понятий «примирение», «примирительный договор», «примирительная процедура». Предлагается также относить примирение сторон к основаниям для отказа в возбуждении уголовного дела, привлекать к медиативной процедуре профессионального посредника. Отдельной статьей устанавливается процессуальный статус примирителя. Заслуживает поддержки предложение авторов проекта Закона об установлении последствий невыполнения условий договора о введении в уголовный процесс нового участника – примирителя.

В УПК Республики Беларусь вопрос о медиации уже решен. Названным выше законом от 26 мая 2021 года в УПК Республики Беларусь внесены нормы, легализующие применение медиативных процедур при производстве по уголовным делам. Так, в ст. 6 даны определения понятий «медиативное соглашение», «медиатор», «медиация». Согласно п. 14³ названной статьи под медиацией понимаются переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению. Кроме того, ст. 30¹ регламентирует процедуру примирения обвиняемого с потерпевшим, в том числе посредством заключения медиативного соглашения. Для осуществления примирительной процедуры данные участники по своему согласию выбирают медиатора, а заключенное медиативное соглашение

приобщается к уголовному делу. Но все остальные вопросы, связанные с медиацией (например, организация деятельности медиаторов, требования, которым они должны отвечать, структура медиативного соглашения и др.), в УПК Республики Беларусь не урегулированы. Очевидно, в этой части следует руководствоваться Законом Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 года № 58. Также законодателю необходимо уточнить, следует ли приостановить производство по делу, по которому проводится процедура медиации, ведь на данный момент УПК Республики Беларусь не предусматривает такое основание для его приостановления (ст. 280, 302 УПК Республики Беларусь). В целом описанные выше изменения следует признать прогрессивным шагом в реализации идеи восстановительного правосудия, но результаты медиации в виде соглашения исходя из смысла ст. 30¹ УПК Республики Беларусь используются только при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (п. 4 ч. 1 ст. 30 и п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь).

Примирительные процедуры в уголовном процессе могут найти применение по нескольким направлениям.

1. При прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 25 УПК РФ (в УПК Республики Беларусь – п. 4 ч. 1 ст. 30). Проведение встречи с участием посредника (медиатора) и закрепление ее результатов в примирительном договоре (медиативном соглашении) позволило бы снять ряд проблем, возникающих на практике. Так, не всегда учитывается, что заглаживание причиненного вреда предполагает активные действия обвиняемого, а не возврат похищенных вещей, признанных вещественными доказательствами, потерпевшему (реституцию), осуществляемый даже без всякого волеизъявления виновного. В таком случае, безусловно, искажается смысл института примирения, возникает чувство безнаказанности, и нельзя говорить о реализации задач уголовного судопроизводства в части обеспечения прав и законных интересов потерпевших. Анализ протоколов судебных заседаний и постановлений судов г. Смоленска о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон показывает, что в них подробно не описывается, каким образом подсудимый заградил причиненный вред. Применительно к разъяснению последствий прекращения дела по данному основанию делается запись: «Последствия разъяснены и понятны». Не всегда выясняется, добровольно ли потерпевшим сделано заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением. В некоторых постановлениях судов не мотивируется, почему не приняты во внимание возражения прокурора относительно прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ.

2. Проведение примирительных процедур, кроме того, могло бы дать положительный эффект при применении особого порядка судебного разбирательства (в УПК Республики Беларусь – при ускоренном производстве в соответствии с главой 47). Ст. 314 УПК РФ устанавливает,

что проведение судебного разбирательства в особом порядке возможно при наличии согласия государственного обвинителя и потерпевшего, но обязанности обвиняемого возместить причиненный вред закон не устанавливает. При этом для получения согласия потерпевшего на применение особого порядка не требуется проверки его добровольности, а также предварительной консультации с адвокатом, как это установлено в п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ применительно к обвиняемому. Очевидно, что одним из условий получения согласия потерпевшего является принятие обвиняемым мер по примирению.

3. Третьим направлением использования примирительных процедур в уголовном судопроизводстве мог бы стать особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ, гл. 49¹ УПК Республики Беларусь). Полагаем, что и здесь обязательным условием должно стать то, что обвиняемый не только помогал изобличить своих подельников, но и возместил (хотя бы в определенной части) вред, причиненный преступлением.

4. Для прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь) не нужно согласия потерпевшего. При этом требовать возмещения причиненного вреда он может только в порядке гражданского судопроизводства и опять же с учетом сроков исковой давности. Поэтому вполне справедливыми являются предложения о том, что применение норм о сроках давности допустимо только в случае возмещения потерпевшему причиненного вреда, в том числе по результатам медиации.

5. Примирительные процедуры, по нашему мнению, могли быть использованы также при прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием согласно ст. 28 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь). К числу условий прекращения уголовного дела по названному основанию относится возмещение или заглаживание вреда, причиненного преступлением. Но следует учитывать, что потерпевшие участвуют в деле далеко не всегда.

6. Оформленные результаты медиативной процедуры могли бы служить доказательством того, что имело место добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, либо заглаживание вреда обвиняемым для решения вопроса о наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ [229] (в Уголовном кодексе Республики Беларусь – п. 4 ч. 1 ст. 63 [228]).

Очевидно, что законодательная регламентация примирения с участием посредника необходима, это обеспечило бы единообразие правоприменительной практики, стимулировало бы лиц, совершивших преступление, возмещать причиненный потерпевшему вред. Процедура медиации могла бы применяться не только по делам несовершеннолетних и не только при решении вопроса о прекращении уголовного дела. Полагаем, что закрепление в УПК РФ медиации согласуется с назначением уголовного судопро-

производства, способствует защите прав участников процесса с обеих сторон, отвечает положениям ст. 52 Конституции РФ о доступе потерпевших к правосудию и компенсации причиненного ущерба, международным стандартам в области защиты прав жертв преступлений. При этом следует учесть положительный опыт законодательства в Республике Беларусь.

Институт примирения в уголовном процессе должен быть направлен не на освобождение от ответственности, а на урегулирование конфликта, устранение его последствий, восстановление прав потерпевшего. Только в этом случае можно будет говорить о балансе между публичным и частным началом в уголовном судопроизводстве.

2.7. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного антиэкстремистского законодательства (некоторые аспекты проблемы)

Актуальность исследования по данной теме заключается в том, что преступления экстремистского характера в XXI веке стали серьезной угрозой для мирового сообщества. Особую распространённость они получили в связи с развитием и распространением компьютерных технологий и сети Интернет в виде агитации и призывов экстремистского характера.

Не обошла стороной эта проблема и Российскую Федерацию из-за социально-экономических и политических потрясений последних 30 лет, а также наличия на её территории экстремистских настроений у некоторых лиц и преступных группировок. Российская Федерация занимает далеко не последнее место по количеству совершаемых преступлений экстремистской направленности. Только за январь – сентябрь 2022 года зафиксировано 815 подобных преступлений [85].

Необходимость сравнения положений российского законодательства и законодательства других государств в сфере противодействия экстремизму, на примере Франции и ФРГ, обусловлено историко-правовой связью и влиянием правовой системы Франции и Германии на право Российской Федерации, поскольку все они принадлежат к общей романо-германской правовой семье. Выявление того, как в рамках одной правовой семьи формируется антиэкстремистское законодательство разных стран будет важным итогом сравнительного анализа. Антиэкстремистское законодательство США было также взято нами по причине его некой «альтернативности» в виде принадлежности к англо-саксонской правовой семье, которая по своему нормативному содержанию серьёзно отличается от романо-германской (в неё входит право РФ), а также потому, что в праве США применены достаточно нестандартные меры антиэкстремистского характера. Сравнить законодательство этих стран важно и полезно для выделения перспективных направлений антиэкстремистского права.